3-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 16

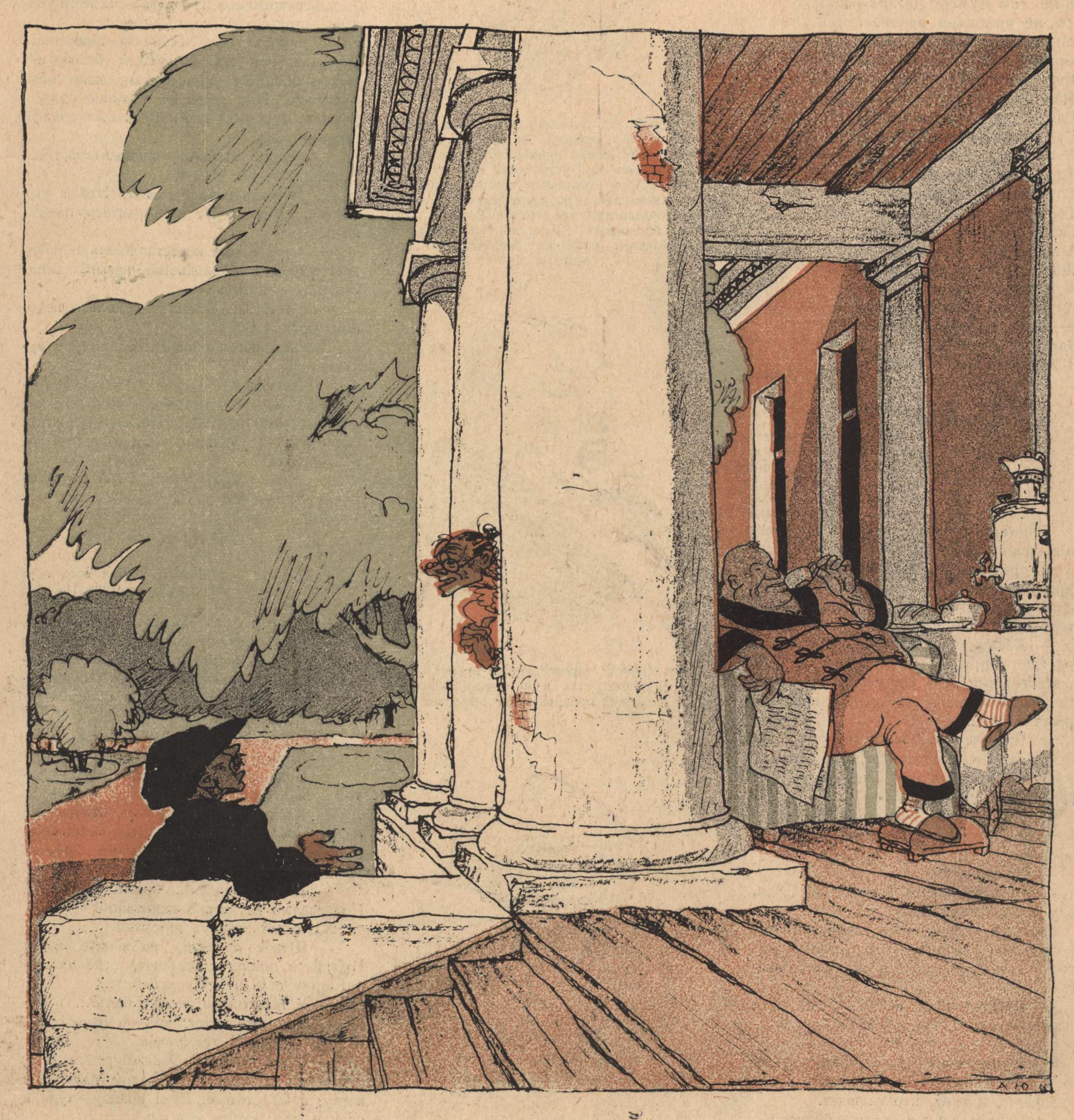
СМЕХАЧ

ИЮНЬ 1925 | Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 | Цена 25 коп.

„ВОВА ПРИСПОСОБИЛСЯ“

Рис. А. Юнгера

В Волховском уезде, в с. Кобоны, есть бывший помещик. Он живет в своем б. имении, в качестве не то сторожа, не то еще кого-то...

— Тетка! Где у вас сторож?
— А вон они на веранде: утренний чай кушают...

К этому номеру прилагается анкета.

К ЗАКРЫТИЮ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА.

В Париж приехал известный композитор Легар. Оказалось, что он удивительно похож лицом на французского президента, Думерга.
(Из театр. хроники).

Схож с легкомысленным Легаром,
Муж государственный Думерг!
Сей факт, скажу, прочтенный с жаром,
Нас в удивление поверг!
Что ж! Призадумавшись немного
И только шутку взяв за цель,
Теперь, друзья, мы можем строго
Продолжить эту параллель!
Коль сам Думерг Легару—пара,
То, не прибавив ничего,
Мы с опереткою Легара
Сравним правительство его!
Игра идет с большим напором,
Мир удивляется игре.
Сам биржевик—антрепренером,
Суфлером—сам Пуанкаре!
Открыта жадным взорам сцена:
Там—див блистательный парад!
То туалетов перемена,
То новой арии раскат!
Галерки зрители суровы,
А ложи хлопают слегка!
Пой, Эррио, в веселых вдовах!
А Пенлеве—за простака!
Ну чем не оперетка, право?
И—в дополнение к игре—
Вдруг с отсебятиной кровавой
В Марокко—новое антрэ!

Зубило

АМНИСТИЯ

Объявленная, при вступлении Гинденбурга в исполнение обязанностей президента, амнистия до сих пор осталась пустым звуком. (Из телеграмм)

Это было в те дни, когда исступленные крики: „Хох! Да здравствует Гинденбург!“ раздавались громче, нежели голос здравого смысла.

К уху Гинденбурга почтительно наклонился министр и шепнул:

— Ваше высокопревосходительство! Народ ждет амнистии. Я полагаю, в такой торжественный день следует объявить частичную амнистию для некоторых категорий преступников...

— Частичную? Для некоторых?! Никогда!—вскричал Гинденбург, переполненный восторгом, который не умещался в узких рамках мундира:

— Я дам моему народу полную амнистию, безоговорочно, для всех! Я открою тюрьмы...

— Но ваше высоко...

— Пишите приказ об амнистии! Сколько у нас заключенных?

Министр назвал число, в котором вслед за скромной единицей стояли, словно солдаты в строю, дружные и многочисленные нули.

— Прекрасно! Я освобожу их всех! Пишите приказ!

* * *

Когда долго кричишь и слушаешь крики, это начинает приедаться, надоедать и тем, кто кричит, и тому, кто слушает.

Кстати, праздник сменяется буднями, с их неприятностями и осложнениями. Настроение, обычно, падает.

— Ваше высокопревосходительство. Народ ждет...

— Послушайте, скажите, чтобы они не так громко кричали под окном! Я перестаю слышать: молчу я или говорю! Чего народ ждет?...

— Применения полной амнистии, согласно приказа...

— Полной? Согласно приказа? Передайте мне вату для ушей. Благодарю вас. Скажите, что обещание будет выполнено. Даже больше: мы начнем с частичной амнистии. Сначала—частичная, а потом—полная. Две амнистии, вместо одной! Не правда-ли, щедро?! Представьте список преступников по категориям.

* * *

Общее число, с множеством нулей, разошлось на несколько меньших слагаемых, по категориям.

„Беспартийных... столько-то. Коммунистов—столько-то“...

— М-да... Итак, частичная амнистия... Или тех, или других... Если беспартийных,—обидятся коммунисты; если коммунистов... Нет! этого не решишь сразу... Я не хочу, чтобы кто-нибудь был обижен президентом.

— Ваше высокопревосходительство... Народ...

— Ну, что народ? Ждет?! Это я уже слышал сто раз! Не повторяйтесь, любезный!

— Нет, он уже перестал ждать и начинает выражать недовольство, называя амнистию пустым звуком.

— Что?! Недовольство? Сколько недовольных?

Министр назвал цифру: единицу с нулями.

— Немедленно составить список! Я арестую их всех! Вы удивлены? Но, мой милый,—таким образом, они когда-нибудь сами на себе убедятся, что амнистия не пустой звук!

Ив. Прутков

Член парламента Джэмс Тейлор, Спикер Иеремия Хиггс и газетчик с угла Садовой Тишка Ноздря.

(Случай в международном масштабе.)

ЛОНДОН, 21. В палате общин член рабочей партии Тейлор спросил, не объявит ли Чемберлен, какие шаги принимаются английским правительством для устранения недоразумений между СССР и Англией и принимает ли Чемберлен какие-либо меры для обеспечения уплаты долгов британским кредиторам России. Далее Тейлор продолжал: „Знает ли Чемберлен, что неопределенная политика правительства приводит к...“.

Здесь Спикер (председатель) прервал оратора и Чемберлен так и не узнал окончания фразы: „политика правительства приводит к...“.

Окончание прекрасно знает любой мальчуган,—например, газетчик Тишка Ноздря. Но кто заплатит штраф за сквернословие, если мы напечатаем, с его слов, простой, но верный конец прерванной фразы?!

РОК

Врангель был выслан в 24 ч. из Бухареста. (Из газ.)

В номер вбежал бледный адъютант.

— Вас высылают из Бухареста! Только показал я нос на улицу, как меня—в участок... „Заберите своего генерала с монатками и отправляйтесь, откуда приехали“.

— Жид?!

— Чистокровный румын.

— Коммунист?!

— Полицейский офицер... Такой усатый... настоящий Гулеско!

— Клянусь царской тенью, что вышлю из России всех румын со всеми скрипками, обломав о румынские головы все смычки!!

— Генерал, я им это сказал!

— Да?!. Молодец!.. браво, поручик!.. Поздравляю вас штабс-капитаном!

Адъютант звякнул шпорами.

— Штабс-капитан, разложите карту Европы и поищите местечка, „где оскорбленному есть чувству уголок“...

— К Муссолини, может быть?...

— Черт его знает, как он отнесется...

— Запросить телеграфно?

— Штабс-капитан, я зажмурю глаза и, отдавшись на волю Рока, ткну пальцем в карту, а вы следите. Куда попаду—туда и поедем, там найдем счастье.

Генерал ткнул. Из адъютантской груди вырвался стон: генеральский палец попал в Бухарест.

Смехкор.

ВОПРОС

Товарищу Дмитрию пришлось сняться с работы на производстве и очутиться на работе в деревне.

Воздух в деревне весной—чего лучше, а у тов. Дмитрия голову кружит: в заводской конторе был отметчиком и хоть партийцем был, как говорится, с мозгой, но деревни не нюхал и как в ней работу вести не знал. Однако, парень не растяпистый и решил: хоть не знает, а начнет. Пусть ошибется, да сложа руки сидеть не будет... Сейчас я, как говорится, отойду в сторонку, заделаюсь почетным председателем и предоставлю слово самому тов. Дмитрию. Слово имеет тов. Дмитрий!

* * *

— Иду я, братишечки, по полю, вижу, колосится, а что колосится — сказать вслух боюсь: скажешь — рожь, а окажется — „пшеница", или того еще хуже „овес". Почему хуже? а потому, что с рожью да пшеницей выкрутишься одним словом: „хлеб", а что, если—овес, овес под хлеб не подведешь, не двадцатый год!.. Оно, конечно, прислан я не по агрономным делам, не как земспец, а по партийной линии, да как ее, линию вести, ежели тебя по деревенскому быту каждый сопливый мальчишечка за пояс заткнет? „Покажите — говорю — где у вас черезполосица, которой вы—говорю,—товарищи-крестьяне, недовольны. Может, вы ее по научным данным обрабатывать будете—то и будете ею довольны". Смеются! а чего смеются—допытываться боюсь, престижа своего терять не хочу...

Или, примерно, севоборот. Кто его знает, один-ли такой севоборот, или есть еще севзапоборот? на манер севзапкино?... Оборот только на север—одно дело, а если н на запад — другое. Скажешь в деревне, что называется, „ни к селу, ни к городу"— так тебя, особливо молодежь, в такой оборот возьмут, что жизни не рад будешь.

Одначе, думаю, начну с культработы. Вот после схода и говорю: „товарищи-крестьяне, нужно нам с вами поговорить об усовершенствовании жизни нашей"... Так и загудели:

— Отчего не поговорить, поговорить завсегда можно.

— Побеседуем о самогоне.

— Ежели касательно усовершенствования выделки, то напрасно беспокоишься, товарищ: у нас, можно сказать, „чистой слезинкой" гонят... спецы, одно слово!

В пот меня прошибло, но говорю: я о вредности самогона, товарищи-крестьяне, хочу сказать несколько слов. Вред, который...

— Говори: от слова не станется... Только зря: вреда никакого нам нет и не будет, пока у нас в милиционерах дядя Левонтий.

Поглядел я, братишечки, на сизо-красный нос дяди Левонтия и понял, что всей деревне от самогону „вреда" не будет.

В таком случае—говорю—побеседуем на антирелигиозную тему.

— Нельзя—говорят—сегодня на анти.

— Почему сегодня нельзя?

— Поп наш, вишь, на станцию уехамши, а без него нельзя: больно уж охотка нам смотреть, как его от твоей анти коряжить будет.

Так без попа и не дали говорить.

— Как у вас насчет театрализации,—спрашиваю, — в смысле театрального кружка, спектаклей?

— Есть! есть! Манька, выходи!.. Городская штучка!

Манька храбро вышла из толпы.

— Я—театральный инструктор.

— Что вы, товарищ, ставите?

— Декларации!—крикнули из толпы.

— Дура-ак, декорации ставим!—поправили дурака.

— Спектакль какой?—спрашиваю.

Манька гордо закинула голову и говорит:

— Цыганские романсы в лицах.

Обозлился я тут:

— Буржуазную пакость в духовную пищу массам?!

Манька обиделась:

— Во-первых, в попов и, вообще, в духовенство не верю и духовной пищи не имею, во-вторых, никаких пакостей ни буржуазных, ни пролетарских не держу, а что цыган, окромя конокрадов, самый кочующий пролетарий—всякий знает.

Тут Маньке все давай апплодисментировать. Вижу, никакого мне сочувствия от масс, а паршивая какая-то собака уселась насупротив меня и, задравши голову, воет—аж по каждой нерве, как скребком—закрыл я заседание.

А с заседания на станцию. Приехал домой в город, и с вокзала—в райком: пусть, говорю, нарушитель я партдисциплины, а к работе в деревне не подготовлен.

Вот и не знаю: вычистят меня, или не вычистят? Вопрос открытый, а как закроется—не известно.

Исидор Гуревич

ПОСЛЕ ПОДОХОДНОГО И УРАВНИТЕЛЬНОГО

— Папа, а есть женский род от слова пень?

— Конечно, есть: пеня. Стыдно не знать, а еще сын частного торговца.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

— Веселов, чем доказывается, что земля шар?

— Путешественник, идя в Москве по правому троттуару, возвращается на то же место по левому.

ВО-ВРЕМЯ

— Как это вам удалось попасть на службу в наш трест?

— А я удачно уголил: как раз шло сокращение—места освобождались, а у меня, знаете, письмишко было...

СМЕКАЛКА

„У нас в амбулатории царят допотопные порядки: знакомым и прилично одетым пациентам помощь оказывают вне очереди, а плохо одетым откладывают на завтра. Обращение зачастую невежливое и даже дерзкое.

Рис. Б. А. *Из 4711 письма рабкора*

Токарь Ваня был не модник,
Не фасонист и лохмат,
Одевался греховодник
В старый женин дипломат.
Сапоги—что после Ноя,
Кепке сорок лет в обед,
Ну и прочее иное
Навидалось много бед...
Заболел Ванюха хворью,
Подождал денечка два,
И в свою амбулаторью
Поплелся едва-едва.
Там беднягу пациента
Отослали в самый зад.
Все нарядным в два момента
Помочь сделать наровят...
Всех нарядных отпустили,
Всех, что были впереди,
А Ванюху попросили:
— Ты, брат, завтра приходи!
Ан, и завтра вышло тоже!
Ванька чах, худел и гас,
Отчего пускал негоже
Выраженья в лютый час.
Долго шлялся лютой
галкой.
А потом взялся за ум:
Он, раскинувши
смекалкой,
Порешил купить костюм.

Полным франтом приоделся
От макушки до колен.
Утром фельдшеру явился
Капля в каплю—Чемберлен!
Расстилалась фельдшерица,
Фельдшер Ваню звал на „вы";
Осмотрела и сестрица
„Лорда" с ног до головы.
В миг изгнали все недуги:
— Не помрешь теперя ввек!...

Вот что значит, милы други,
Со смекалкой человек!..

Евг. Симбирский

ДВА ФРОНТА.

(Рекомендуется петь на мотив „Комаринского")

Хоровой кружок Ижорского завода в г. Колпине работает на два фронта: в клубе и в... церкви. (Фактик).

Пропою вам песню звонкую
Про механику про тонкую;
Про Ижорский про особенный завод
Растяну-тяну гармонь на полный ход.
Становитесь у заваленки!
Скидавай, Ванюха, валенки!
Собирайтесь, братцы, тесненько:
Плясовую грянем песенку;
Грянем, братцы, „Со святыми упокой",
Подбоченившись рукой, рукой, рукой.
Запоем потом „Буденного"
И „проклятьем заклейменного,"
„Варшавянку" и молебствие
От „губительства и бедствия."
Зашпандорим в разливные голоса:
— „Дивен, господи, творяй чудеса!"

———

Вы чего глаза таращите?
Вы „ищите и обрящите."
Отправляйтесь-ка все толпами
В эфтот самый город Колпино,
И, платочком утирая потный чуб,
Поскорей-скорей в Ижорский, значит, клуб.
Ох, святители обдорские!
Молодцы певцы ижорские.
Вот вы сдуру комсомолите,
А они—„чего изволите?"
Лишь-бы был достойный слушатель у них,—
Отчехвостят вам какой угодно „стих":
После гимна итальянского
Пропоют тебе Бортнянского,
Хошь начнут тебе „Свободою",
Кончат „Взбранной воеводою."
Эфто значит, что партийцы ни толкуй,
А Исаия ликуй, ликуй, ликуй!!!
Видно, хор-то со сноровкою;
Отбасив с инсценировкою,
Песни кончивши рабочие,
Принимаются за „прочее":
Лупят хором воспевать на „пятый глас",
Созерцая пресвятой иконостас.
„Матерь света" вы-б послушали,—
И не пили-б и не кушали,
А послали-б их на катере
Прямо к этой самой матери...
Знать, недаром удивляется народ:
Ай заводик, ай заводик, ах завод!..
Вот!..

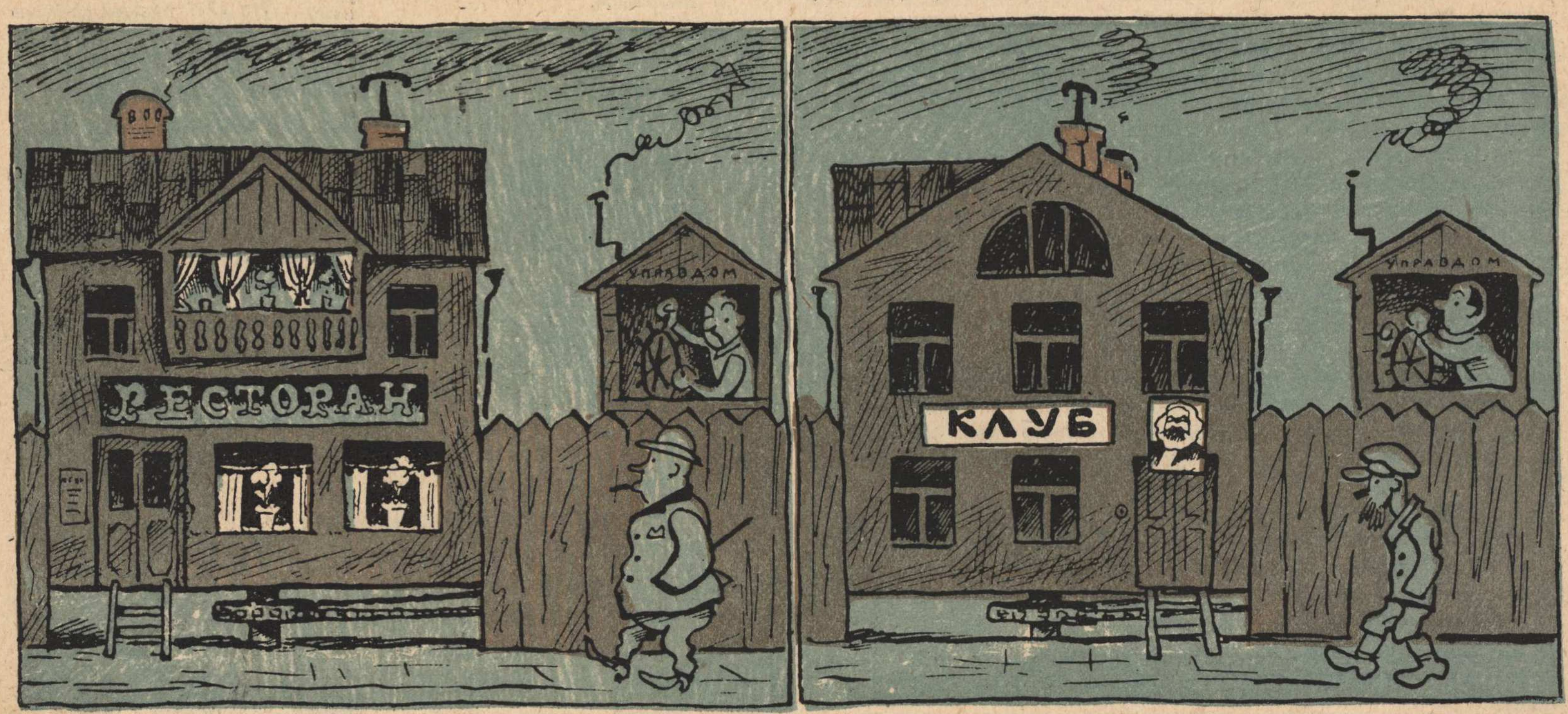
Р. Волженин

НАУКА И ТЕХНИКА

В Америке в дачных местностях устроены вращающиеся дома, поворачивающиеся в солнечную сторону.

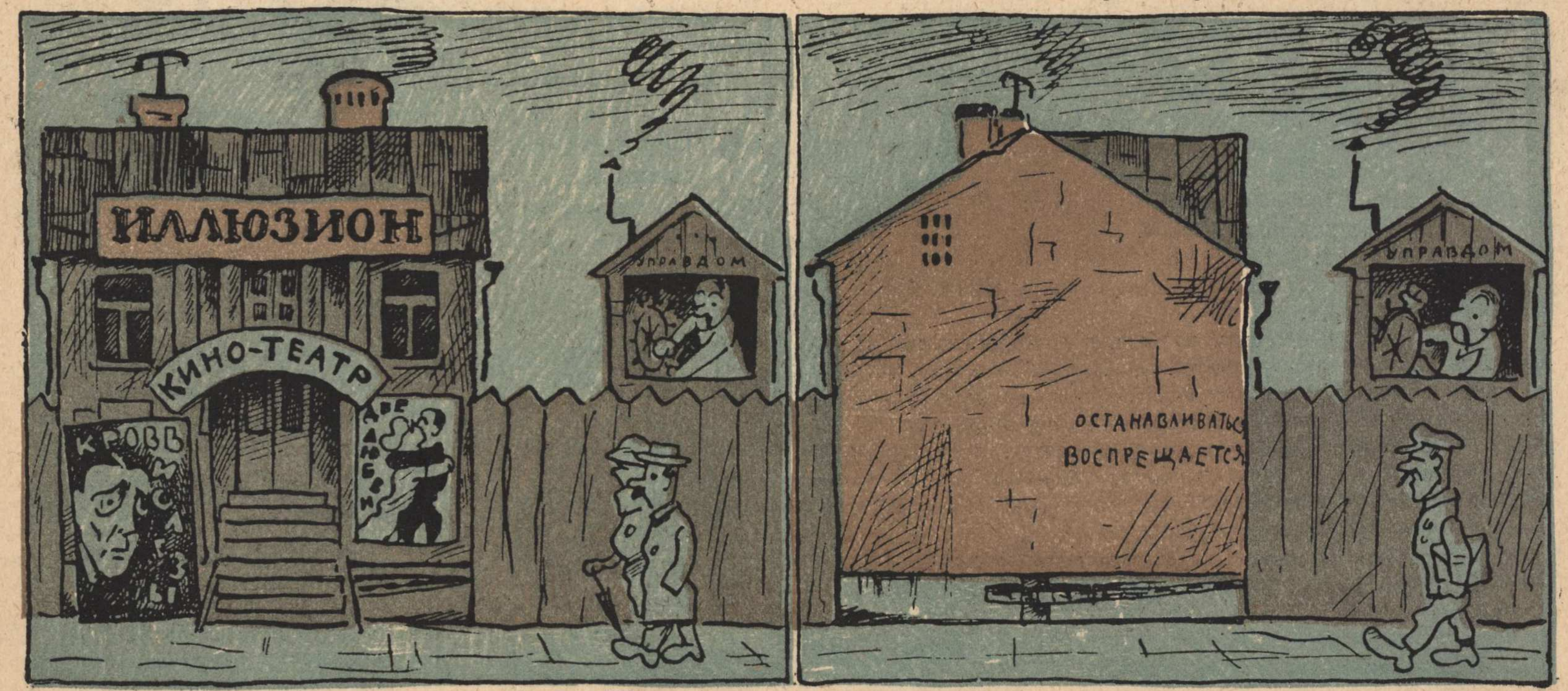
Америка, конечно, хитрая бестия. Но только что-же особенного? Придумала домик, поворачивающийся к солнцу. Эка, подумаешь! Сочинила! И мы тоже умеем. На-те, извольте домик. Четыре стороны, четыре фасада на разный вкус и потребность граждан.

Рис. Н. Гадлова

Пожалуйте. Идет, например, нэпман. Сейчас управдом чик-чирик! ножкой на педаль, ручкой колесо вращает.
И домик—„карточкой к нэпману".

Скажем, гуляет мимо рабочий—с сознательным выражением и запросами в разных масштабах. И сейчас управдом—крути, не зевай! Ножкой на педаль, ручкой колесо...
И домичек—„лицом к рабочему".

Или, например, двигаются—две пары рук, две пары ног, пара голов без выражения—короче говоря—обывательская парочка.
Милости просим! Ножкой на педаль, ручкой колесо...
В итоге—„Рылом к обывателю".

А если, упаси бывший бог, завернет к домику финагент насчет налогов,—и для его вредной личности фасад имеется.
Ножкой на педаль и проч. Извольте!
„Даешь мимо!"

АНГЛИЙСКАЯ СОЛЬ

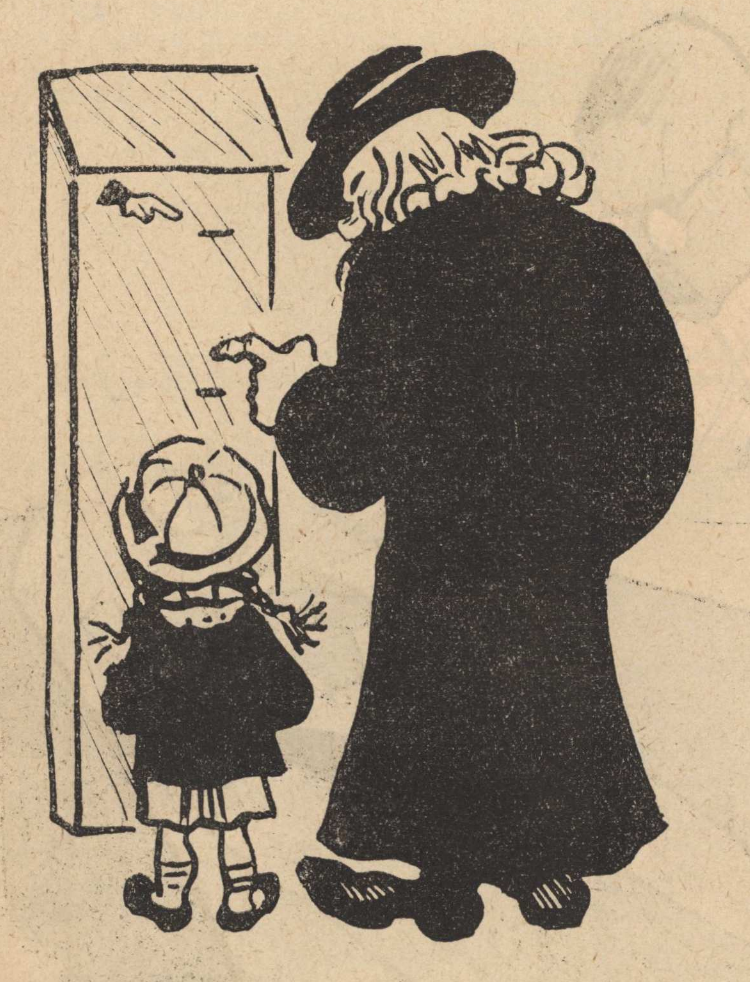
Рис. Л. Бродаты.

— О! Какой у вас белый язык, сэр!...
— А это потому, доктор, что я не перевариваю коммунистов...

СВ. АВТОМАТИЙ

На обертке шоколада, который продается из автоматов Моссельпрома, можно встретить „божественную“ картинку и чепуху вроде „крещения Руси“. Впечатление получается нехорошее.

Рис. Н. Р.

— Вот тебе, девочка, гривенник. Купи себе душеспасительной литературы из Моссельпромовского автомата.

МЕЧТАТЕЛИ

В Москве хождение разрешается только по правой стороне в сторону движения.

Нэпман к нэпману вбежал,
Он от радости так прыгал,
Будто чистенько рожал
Незаконную сверхприбыль.
— Слышал? —Что? —Проспал опять?
Крот несчастный! Трус подпольный!
Повернули власти вспять.
Близок наш денек привольный!
— Что ты? Правда?! Я так рад!
Снова Англии интрига?
— Лучше! Больше во-сто крат!
Вот, смотри, читай и прыгай!
„Должен каждый пешеход,
Независимо от нрава,
(Вот тебе переворот),
Стороны держаться *правой*“.
— Что-ж такого тут? —Как что?
Неужели ты не понял?
Значит, к черту весь госторг!
Чемберлэн их урезонил!
Только для отвода глаз
Начинают с троттуара,
А на самом деле—пасс.
Все вернется к жизни старой.

Нэпман к нэпману прирос.
Шопот, страстное дыханье...
Вскоре мчал их паровоз
В круг под северным сияньем.

Сергей Городецкий

ПЕТУХ

Ах, как спится по весне! Нагуляется Ванюха с девками, навздыхает в себя хвойных воздухов, ну и дрыхнет. Кирпичный мастер, дедка Пров, прямой его начальник, едва-едва разбудит Ваньку.

— Вставай, дурной! Печки надо затоплять...

Вскочит Ванька, почешется, продерет глаза: верно, зарей небо залилось, слиняла ночь, где-то утки крякают и скоро солнце. Сыпь, Ванька, в печки дров, вали, шуруй, обжигай кирпич, рви, орудуй проворней, Ванька, раз проспал!

А утром дедка Пров—марш в волисполком.

— Вот что, председатель, товарищ, как его... Давай нам на завод часы. Хоть плевые, а чтоб тикали... Прямо, горюшко без часов, как его,—тово...

— За кой ляд тебе часы?—засопел председатель.

— Ах, товарищ, как его... Да ведь делу вреды много... тово... Какой-же без часов кирпич?.. То недожиг, то перекал, железняк вроде образуется... Всему свой черед... Надо, как его, по часам следить... этово-тово...

— Не дам,—и председатель пуще засопел, уставившись бельмом в красный Провов нос.—Как-же ране-то без часов обходились? Не дам. Лишний накладной расход... Заведите петуха... Вон у меня петух... Ровно в двенадцать, ровно в час, ровно в два, так и жарит. Да моего петуха ежели, скажем, в Питер. как возгаркнет—катай из пушки, в аккурат двенадцать.

Покачал головой дедка Пров, сказал: „Ах, так твою“, и пошел по селу горластого петуха искать. Много перещупал петухов: красных, рыжих, белых—нет, не то.

— Мне на завод не простой топчун надо—куриц топтать всякая собака может, — мне певун требуется, как его... тово... горластый, да чтоб с верным боем... А ты думал как? Чик и чик чтобы...

— А вот, дедка Пров,—притащил своего петуха инвалид германской войны, Огучиков.—Хотя кривой субъект, это верно, между нами говоря. Зато—что твои часы: завод без ключа, на тринадцати камнях, бой верный... А орет, как кенгура в ночное время.

— Ты зубы-то не заговаривай, — тряхнул дед бородой. — Сколько?

— Ты тоже не заливай калош-то,—сказал инвалид.—Полтину и бутылку самогону.

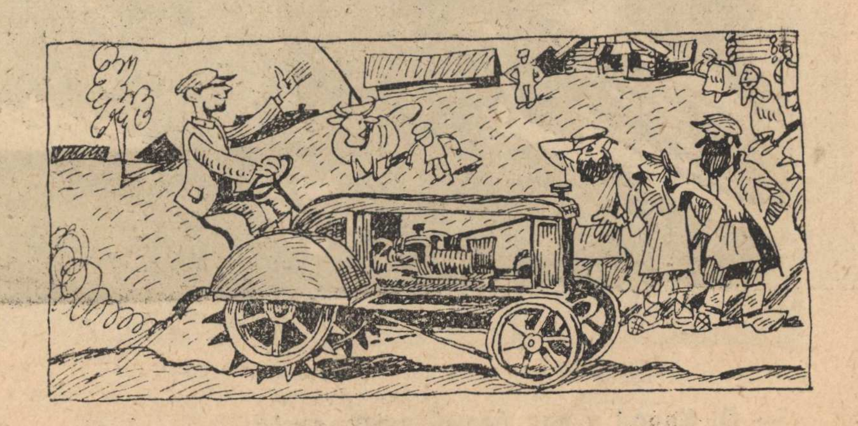
— Четвертак и полбутылки... как его... Потому кривой он...

— Прибавь. Кроме того, я уступлю тебе петушьих гражданских жен. По крайности, с яйцами все лето будешь.

И вот, кривой петух водворился со своей семьей на общественном кирпичном заводе и сразу-же повел дело толком, правильно. Дед нарочно устроил куриную нашесть над самой Ванькиной постелью. По первости, как только петух гаркнет, Ванька вскакивал, как полоумный, сшибал петуха штанами на землю и во все горло хохотал. Обезумевший петух, с заполошным криком: „Караул, караул, убили!“ — взлетывал, как сыч, а курицы кри-

ШЕФЫ ПРИЕХАЛИ!

Рабочие главных ж.-д. мастерских имени Ленина (Ростов-Дон) приняли шефство над деревней Васильевкой и, месяц спустя, уже доставили в деревню новенький „Фордзон“.

См страницу 9-ю.

чали: „Куда-куда-куда-куда-ты, куда-куда?" Ванька надевал штаны и шел к печам подбросить дров.

А вскоре цыганский табор под лесочком показался. Ванька форсун, Ванька приключенья любит: прикалошил ноги в воскресенье, картуз на ухо, рыжей волной чуб по ветру и прямо с гармонью—в табор. Ах, черт—молодая цыганка—так и так. У Ваньки деньжата есть, она и по ручке ему гадала: „Ой, молодец, ну, присушил ты черноокую", она и карты по зеленому полю веером, и лишь бородатый с проседью Ромка вышел из палатки, цыганка Ваньку в губы чмок.

— Гы-гы-гы... Замечательно,—вытер губы Ванька и только хотел с цыганкой поиграть, она—чшш—и пальцем погрозила. Вошел цыган.

С тех самых пор... Эх, весна, весна... Эх, молодость!.. Спится Ваньке, то-есть так спится... И петух не помогает. И еще горе: стал весной крепко спать и дед. Кирпичи получались скверные: недожиг и пережиг. Крестьяне-общественники—в ругань. И все переругались: крестьяне ругали председателя, председатель—деда, дед—Ваньку, Ванька—петуха.

Вдруг, две радости: первая радость—Ванька цыганку целовал, Ванька порешил на ней жениться и в табор поступить, а кирпичи с заводом—тьфу—к свиньям! Вторая радость: деду в волисполкоме форменный будильник выдали: звенит, как сто колокольцев, новенький, форсистый, пять рублей цена.

Стал будильник всех во-время будить, стала распрекрасная цыганка Зойка похаживать к Ваньке на завод.

— Дед, а дед... Откроюсь тебе, как на духу,—однажды сказал Ванька деду. — То-есть так втюхался в нее, в эту самую Зойку, не надо лучше... То-есть, ах ты, язви тя... Надумал я, дедка, цыганом быть...

— Какой-же ты, как его... к свиньям, цыган, раз у тебя башка рыжая живет, как лисий хвост... Этово-тово...

— Наплевать мне на твой хвост,—сплюнул Ванька,—раз я могу перекраситься... Эвот в городу—польты, и те красят... Да она и так меня любит, вот те христос, любит... Меня и дядя ейный любит, не веришь?!

Дед всячески ругал Ваньку: с подковыркой, с напуском и с верхней полки.

— Кабы не я, век тебе пастухом-бы быть. Ты-бы лучше грамоте учился... В солдаты скоро, а ты... Как его... Тьфу! Конокрад паршивый, цыганская твоя душа...

Ванька даже в слезы. Первая, вторая, третья ночь прошли. Не жизнь с будильником — малина. Кирпич выходил хороший, лето наступало, куры яйца понесли, у деда ломота в ногах исчезла. А Ванька, чуть минутка подвернется, все в таборок да в таборок.

— И поедем мы с тобой,—гладила Ванькины волосы черноокая цыганка, — далеко-далеко, в теплую сторонку, через степи, через горы... Ой, приколдовал ты меня, русский Ванька... Ой, сердечко мое буйное—смолой кипит. Ой, дай еще деньжонок, не жалей.

Эх, так-бы и уснул на коленях у нее. Вот Ромка в гитару брякнул—и горит костер. Ну, жизнь!..

Четвертая, пятая, шестая ночь прошла.

— Завтра с ревизией мужики придут,—прокряхтел дед,—как-бы не продрыхнуть. Он завел будильник, осмотрел, огладил петуха, а ложась спать, привязал веревку одним концом к Ванькиной ноге, другим—к своей.

— Ежели ты первый проснешься, как будильник с петухом гвалт поднимут — ты меня за веревку помогутней этово - тово... одерни, а ежели... как его...

— Ладно, не учи,—сердито сказал Ванька. А потом с улыбочкой, по доброму:—Дед, а дед, глянь-ко! — Парень вынул из кармана прядь черных волос в бумажке и поцеловал: — Зойкины... На память. Гы-гы-гы.

Седьмую ночь они нечаянно проспали. Было совсем светло. В ворота резкий стук. Дед вскочил, помчался, упал, упал с сундука и Ванька.

— Ахх-ах-ах-ах... Режь веревку!.. Стучат!

Ванька, надевая на ходу сапог, скорей к воротам.

— Караул!—замотался дед.—Будильник! где будильник?!!

Окно раскрыто. Будильника не было. Не было ни петуха, ни кур, ни Ванькиного кошелька с тремя новыми полтинами.

Ванька назад, побелел весь, крикнул деду:

— Не сумлевайся!.. Разыщется... Я в табор, к Зойке... В карты взглянет, всех ворей найдет... Ее-богу... Не веришь?!

Но, где стоял табор, там было пустое место.

Вяч. Шишков

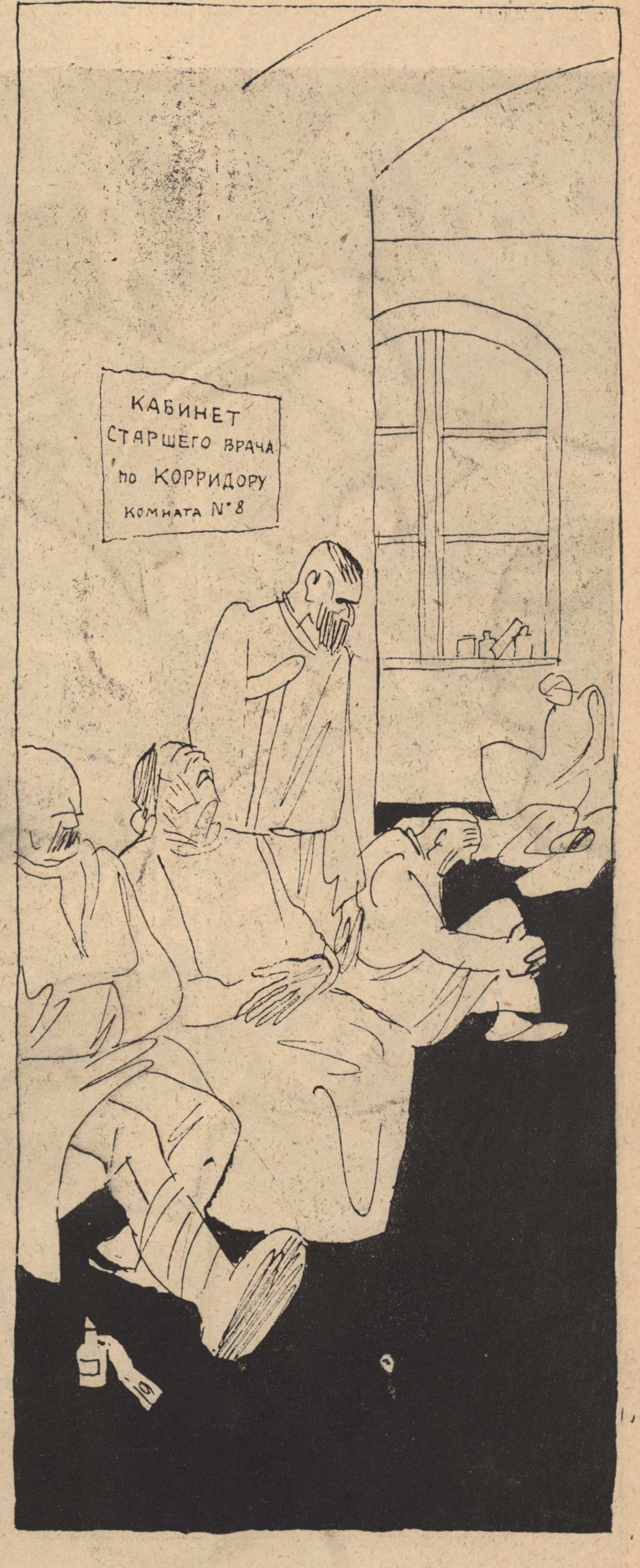
ПО ПОГОВОРКЕ

Не пеняй на Коминтерн, коли политика крива.

КОРРИДОРНАЯ СИСТЕМА... ЛЕЧЕНИЯ.

Рис. Л.

В Байдарах в местной больнице банки больным ставят в коридоре на сквозняке.

О „местничестве" здесь спросить уместно:
Местком, открой секрет—
***Для приезжающих* в курорте много мест, но...**
***Для местных* места нет.**

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

БЕРЛИН, 22. В германском порту Людвигсгафен полиция запретила выступление т. Рут Фишер на митинге союза красных фронтовиков. Как только члены союза собрались, полиция пустила в ход холодное оружие, ранив до 100 рабочих, в том числе—женщин и детей.
(Из телеграмм.)

Рис. А. Радакова

— Я думаю, господин полковник, рабочие будут благодарны; в такой жаркий день мы освежаем их доброй порцией холодного... оружия.

ШЕФЫ ПРИЕХАЛИ!

Шефы, выезжая в подшефные деревни, нередко запасаются продуктами не повседневного питания, а предметами роскоши, продукцией винтреста, как на былых пикниках буржуазии. Это дает повод думать, что цель поездки шефов—не работа, а прогулка, удовольствие и пр.

Рис. Л. Бродаты (По Манэ)

Прибежал крестьянин, глазами шарит: где, во-первых строках, трактор? Нету трактора. На 6-й странице есть, а здесь нету. Не на каждой странице тракторные шефы бывают!

А привезли они, голубчики, продукции вдоволь, да, ошибочно, не из машинтреста, а из винтреста, и не для мужиков, а на собственную потребу.

А так, в общем и целом, ничего шефы, тихие, аккуратные. Даже самоварчик заказали за четвертак. Сидят на траве и благородно кукушку слушают... Ку-ку! Ку-ку! Подвезло мужику!

БЕЗ ПЯТИ МИНУТ ИДИЛЛИЯ

Теперь профорганы зависят снизу, от добровольных членов и их взносов, и должны отчитываться перед ними, как перед хозяевами.
(Из речи Томского).

Прочитал я товарища Томского речь—
И скатилась гора с моих вдавленных плеч,
На лопатках расправились крылия,
Пред глазами предстала идиллия...

* * *

В профсоюзе смятенье... волненье... конфуз...
Что такое? Рабочий явился в союз!
Рядовой безыскуственный блузник—
Пров Семенов, простой профсоюзник.
Но хоть он рядовой, безыскусный, простой,
Секретарь говорит казначею:—„Постой!
Надо встретить хозяина с честью!
Надо светлой порадовать вестью!"
И уже его речь плавной Волгой течет:
—„Вот, товарищ рабочий, извольте отчет...
Культработа... Движение кассы...
Вовлеченье трудящейся массы...
Вот, извольте прочесть... Вот, извольте взглянуть..."
И течет его речь, и дрожит его грудь,
И глаза его светятся ярко...
Да-с,—шепчу я себе,—это марка!

* * *

И как есть я и сам—представитель труда,
То не думая долго, пошел я тогда,
С теплой верой и взглядом открытым,
В профсоюз свой с подобным визитом.
Прихожу. Чорт возьми! Точно так-же, как встарь!
„Без доклада" не хочет принять секретарь,
Казначей про отчет ни полслова,
Регистраторша смотрит сурово.
Представитель месткома-ж, случившийся здесь,
Вдруг закашлялся хрипло, задергался весь
И ехиднейший задал вопросик:
— За апрель не уплатитель взносик?

* * *

Этой фразой прошиб он меня до нутра,
И опять мне на плечи свалилась гора,
Отвалились ненужные крылия...
Уж какая тут, братцы, идиллия!

А. д'Актиль

ПОСЛОВИЦА В ЛИЦАХ

В типографии торговой палаты существует целый ряд сборщиков: одни собирают членские взносы в союз, другие—в кассу взаимопомощи, третьи—на культсмычку, и т. д., и т. п. Каждый, помимо того, что сам теряет рабочее время, отнимает его и у рабочего, нанося ущерб производству. (Из Ленинградских газет)

Рис. Б. А.

Один с сошкой, а семеро с ложкой.

ДЖОН БРУКС И АГАНЬКА.

Джон Брукс из штата Аризона—
На перроне в Кубанской степи.
Пять сеялок. Пять молотилок. Четыре „Фордзона“ *)
Привезены Бруксом, дубликату согласно—
Ведь сказано ясно:
Смычку крепи!

* * *

В Джоне Бруксе—200 фунтов чистого веса,
Мускул—на мускуле, и сотня первоклассных идей.
— Мериканец приехал!.. Волна интереса
Заливает станцию, взмывает людей.

* * *

Джон Брукс—передовой американской артели.
Сорок „Джонбруксов“ едут вдали.
Гудки Аризона давно прогудели,
Море и сушу в четыре недели
Покрыли гости Советской земли.

* * *

Парило солнце, усевшись в лазури,
Раздатчик багажный от мата охрип,
ДС носился на подобие бури,
А Аганька в „мериканца“ глазами влип.

* * *

За Аганькой в прошлом—большие заслуги:
Профкружок. Стенгазета. Станционный клуб.
Опасаются недруги—жалуют други,
Знают Аганьку в сельской округе,
Молодняк—Аганька, а сов-власти дуб!

* * *

Стоит на перроне и терпит муку:
Надо-бы приветствие, а по-американски—ни-ни!..
Откашлялся. Вышел. Пожал тяжелую руку:
—„Пролетарий! Мериканцы! Вы—не одни!..
„Наш клуб в этом здании—глянь-ка!!
„От имени комсомола—Климов Аганька.

* * *

Джон Брукс показал крепчайшие зубы,
Сжал руку Аганьки в кубанской степи.
Затрубили в душе Аганькиной трубы,
И душа была с ними согласна:
Ведь сказано ясно—
Смычку крепи!

* * *

Бежали дни по черноземным просторам,
Тучнели „мериканские“ на полях хлеба.
Бродил Аганька с задумчивым взором,
Не сходили морщины с Аганькина лба.

* * *

Ездил в город, чертыхался, возвращался сердитый,
Грозил на север худым кулаком.
Но прибыл однажды венец волокиты—
С почтового слез старикашка с мешком.

* * *

У Аганьки—праздник, честное слово,
Нет Аганьки счастливее в Эсэсэсер:—

> **Сегодня в клубе агроном из Ростова**
> **Прочтет о земледельи**
> **на мериканский манер.**

Александр Флит

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ДЕЛА ШВЕЙНЫЕ

Красноярск и Ленинград отстоят друг от друга на тысячи километров, но и тот и другой одинаково шьют никудышную проз-одежду.

Берем „Красноярский Рабочий (№ 102); очередной вопль:

НУ И СНАБДИЛИ!

Истопникам ж. д. больницы выдали спец-одежду: брезентовые фартуки, которые закрывают только грудь. Плечи и спина остаются незащищенными.

Рекомендуем истопникам попробовать стать к начальству спиной: авось заметят, что спина—„голая“.

Впрочем, Красноярск—городок плохонький, не то, что столица. На столичных швейниках нагрелось Волжское Госпароходство.

„СМЕХОДЕЖДА“.

Так смеются ребятишки, глядя на тщетные усилия работников Волжского Госпароходства одеться в изготовленную на-заказ в Ленинграде прозодежду.

Чують малыши, что придется эту „прозодежду“ им носить. На взрослых все равно не влезет.

А может быть, тому, кто ее заказывал и принимал, она впору?

Уж не хотят-ли они омоложение произвести — бородачей в октябрят? (Ниж. Ком.)

Автор угодал: бородачи должны посторониться, так как швейный трест провозгласил лозунг: Дорогу Молодняку!

МУЖ СБЕЖАЛ!

Жалуется крестьянка в Калужской „Коммуне“ (№ 104):

14-го марта, в мое отсутствие, мой муж Николай Переудов запряг лошадь в сани, положил сундук с холстами, ситцем, сапогами, двумя одеждами, а также три мешка овса, и скрылся со всем этим неизвестно куда.

---

*) Название трактора.

Заявляла я в Губрозыск и в милицию, но выяснить местонахождение бежавшего мужа не удается.

Теперь в моем хозяйстве остается единственная корова.

Прошу всех, кто знает о местонахождении бежавшего мужа. сообщить мне, или в милицию.

Крестьянка дер. Кукарекп, Некрасовской волости Калужского уезда Авдотья Переудова.

Бедная Авдотья Переудов ! Легко ли из гущи жизни на территории Союза выудить сбежавшего мужа?!

Пишите „пропало"... Счастье ваше, что торопился парень и корову захватить не успел...

А впрочем, спешим дать публикацию на страницах „Смехача":

Граждане Советских Союзных республик!

Если вам попадется этот прохвост Николай Переудов с лошадью и санями или без оных (пропил подлец!), — тащите его в ближайшую милицию.

Там видно будет.

ТПО

(Такое положение отвратительно).

В кооперативной лавке ТПО на пристанях в Казани нет ни муки, ни мяса, ни льняного масла, зато в изобилии есть *карамель*.

По этому случаю водники могут сказать:

— Пароход садится на мель, а ТПО—на карамель.

ПОЛТОРАЦКИЕ МЕТРЫ.

Красноармеец из г. Полторацка прислал нам обложку ученической тетради,—„работы" Туркменского Госиздата.

На обложке, для удобства учащихся ребятишек, помещены *Правила правописания* и *метрическая система мер*.

Читайте:

Метр есть расстояние при температуре тающего льда между осями двух черт, нанесенных на платино-иридиевом стержне, хранящемся в Международном Бюро Мер и Весов (в Севре, близ Парижа) и признанном 1-й Международной Конференцией Мер и Весов в 1889 г. за международный прототип метра.

С определением килограмма и литра дело обстоит не лучше.

Такие звучные общедоступные определения могут с успехом применяться в качестве *карательных мер* для учеников ленивых, непослушных и буйных: нет лучшего способа утихомирить их, как заставив прочесть десять раз подряд—„что такое метр?".

Точные переводные коэффициенты, приведенные там-же, страдают значительной неточностью.

Например:

1 аршин=60,711200 метров.

Ой-ли? В аршине шестьдесят метров, да еще с гаком?!

Садитесь, Туркменский Госиздат! Ни черта не знаете!

ОПРОВЕРЖЕНИЕ И РАЗЪЯСНЕНИЕ

В 11-м номере „Смехача" мы поместили любопытную резолюцию Заведывающего Вет. п/отделом на отношении № 343 Оренбургского Зоотехникума, по поводу отпуска для практических работ по анатомии—трех живых собак.

Резолюция гласила:

Отпустить 3 собаки временно, с условием возвратить обратно после занятий под расписку.

На днях, Зав. Вет. п/отделом прислал „опровержение и разъяснение".

Он пишет:

Я приведу для полной ясности подлинные тексты отношений *о просьбе собак*

Краевой Ветеринарно-Зоотехнический Техникум
18 февраля 1295г.
№ 350
г. Оренбург.

В ветеринарный подотдел Г. З. О.

Отношением Краевого ветеринарно-зоотехнического техникума от 17/II № 343 испрашивалось у Губветотдела три живых собаки для практических работ по анатомии. На это последовала резолюция: отпустить собак временно с условием возвращения обратно (дальше неразборчиво).

Для краевого ветзоотехникума странным кажется такая резолюция, ибо, после анатомических манипуляций, от собак возможно было бы лишь возвратить отдельные части, а некоторые органы предполагалось оставить, как показательные препараты для анатомического кабинета.

Директор (подись)

Делопроизводитель (подпись)

Резолюция:

Выдать с условием возвратить кожи.

„Смехач" не понимает, в чем же тут опровержение?

Было отношение за № 343, была резолюция на нем, затем последовало новое отношение за № 350 и новая резолюция, из который видно, что все устроилось к общему удовольствию: собаки лезут из кожи, чтобы угодить и тем, и другим: — внутренности Зоотехникуму, а кожа Заведывающему вет. п/отделом.

Одному—корешки, другому—вершки.

Все хорошо, что хорошо кончается.

ИЗ АРХИВА 1924 ГОДА

Нам доставлен подлинный документ:

САОХР

С возвращением копии предписания ЦА на имя СА за № 000001 доношу, что сформирование КОМАНДГРУЗ ПОМГОЛ задерживается вследствие неприбытия команд САОХР СЕВЗАПЖЕЛДОР.

АОХР подпись (неразборчива)

САОХР, АОХР, ЦА, СА, ЛАМЦАДРИЦА, ГОП-СА-СА..

Что может быть труднее русского языка?!

„БОСЯЦЬКЕ ПРАВО"

Послужил человек в городе, захотел с места уйти — получил расчет и катай на все четыре стороны. Но не так обстоит дело в сельской глуши.

По словам „Пролетарской Правды" (105)—

В селе Костовцах Белоцерковского округа батрак Ефрем Онищенко прослужил у кулака Святненко целый год. На пасху Святненко попросил расчет, т. к. срок службы закончился. *Кулак Святненко схватил топор и стал гоняться за своим батраком.* Об этом узнал Сельсовет. Пригласили Святненка и предложили ему уплатить своему батраку, сколько ему причитается. Святненко категорически отказался платить и заявил, что 150 пуд. уплачу кому угодно. а ему ни 1 фун. не дам, *„бо босяцьке право пройшло"*.

У гр. Святненко определенно неверные сведения: именно по „босяцкому" праву ему придется расчитываться с батраком.

А у „босяков"—рука крутая!

О СОБАКЕ, КОТОРАЯ БЫЛА ГОТОВА

Предместкому ст. Жудилово Зап. ж. д. надоела бродячая собака. Он предложил пионерам поймать собаку и содрать с нее шкуру, чтобы сделать барабан. Пионеры с палками и камнями ринулись за собакой

(Рабкор)

Иллюстр. Б. Антоновского

Сквозь листву да на дорожку месяц выглянул тайком. Сел с гитарою к окошку одинокий предместком и запел, что грусть-кручина давит горло, точно ком... Словом, нежный был мужчина этот самый Предместком.

А внизу, кругла как груша, сердцем впав в приятный транс, млея, слушает Катюша предместкомовский романс...

Словом, вечер... Звезды—свечи... Тучки—кучки. Синь без дна! Словом, нега, словом—вечер, словом—лирика одна!

Но... беда пришла из мрака! Было счастье, сладость слёз... и завыла вдруг собака (может—сука, может—пес!)

Да-с. От той любовной муки трудно в нашем мире жить... Почему же, скажем, суке в нежный вечер не завыть? Воет, чорт! Выводит трели, завывает сяк и так... Две души напрасно млели, двух сердец разбит контакт!

Вечер синий! Месяц юный!— Все на смарку, кверху дном! Оборвав в досаде струны, плачет в лапу Предместком...

Став от злости очень серым, ночь проспал он тяжким сном, и на утро к пионерам обратился Предместком:

— Мол, ребята! Чудный случай! С барабанами беда? Барабан из кожи сучьей можно сделать хоть куда!

И созвал Анютук, Сенек (шум, тревога, кутерьма!)

— Барабан, мол, стоит денег, а собачий—задарма! Вон, стоит да роет лапой, изогнулась точно мост! Ну-ка, Петь, за морду цапай, ну-ка, Вань, хватай за хвост!

Что ответили ребята—мы не знаем. Мрак. Туман... И была ли шкура снята, был ли сделан барабан?.. Иль в живых осталась, псина, машет мокрым языком...

Предприимчивый мужчина этот самый Предместком... Барабан угодно?—на-те! Лезть за словом ли в карман?..

Головой тряхни-ка кстати—не пуста ль, как барабан?

Зубило

О ПОДРАЖАНИИ СТАРШИМ

(Сентенция).

Нам служат старшие примером,—
Ведь часто им виднее суть.
В науке жить, таким манером,
Находим мы кратчайший путь.
Но не всегда достойны люди,
Чтоб вторить им, как попугай.
На днях в суде народном судьи,
Решили так: „не подражай!“
Мы в поясненьи будем кратки:
Когда, в деяниях нечист,
Берет *заведующий* взятки,—
Не подражай, *канцелярист!*

Д. Ц.

„АНЕКДОТ“

— А я хороший анекдот знаю!

— Какой?

— Один нэпман ел селедку и подавился....

— Не понимаю! Где же тут соль?

— Да, в селедке.

ПОПРАВКА

— Нынче большинство молодых писателей—реалисты.

— И вовсе не реалисты, а из совшколы.

„ФИЗКУЛЬТУРНИК“

— Здорово, Сидорчук, рекорд поставил: одну версту в пять минут пробежал.

— *Дык пробежал*, нет, ежели б он ее шагом в пять минут прошел, это да — рекорд бы был!

МИЛЛИОН ЗА УЖИН

(Старый рассказ с новым концом)

Два гражданина сидели и беседовали.

— Да,—сказал первый,—Америка, брат, это страна! Энергичность! Размах! Эксцентричность! Идешь ты, представь себе, мимо особняка, в каких-нибудь лохмотьях,—вдруг, представь себе, открывается окно: „Молодой человек, заверните на минутку!“ Ты, представь себе, вытираешь ноги о какой-нибудь стотысячный плюшевый коврище, подымаешься в роскошные аппартаменты—и перед тобой, чорт его побери, Рокфеллер. „Вот что, говорит, молодой человек! Желаете подработать честным путем?..“ Ясно, желаю! „Ну, так слушайте, молодой человек. Я стар и немощен и страдаю расстройством желудка, между тем я богат, как чорт. Вот я и предлагаю вам, симпатичный молодой человек. Истратьте за меня в течение суток, но истратьте со вкусом и не делая никаких приобретений,—истратьте, говорю я вам, миллион, и вы получите десятку!“

— Чорт побери!..

— Здорово?

— Здорово. И ты бы взялся?

— А отчего-ж и не взяться за такое обыкновенное дело? У нас, брат, фантазии хватит. Прежде всего, в лавку: „5 фунтов наилучшей чайной колбасы“. Потом—на трамвай—и за новыми ботинками.

— Ладно, скинем двадцатку. А остальные 999 тысяч 980 рублей?

— Ну, снял-бы ресторанище с музыкой и напоил бы всех наших ребят чаем.

— Ладно, скидывай еще 5 сотен!

— Налог бы подоходный внес. Это уж у нас непременно!

— На налог — клади половину. А дальше?

— Гм. Дальше? Разве с каким-нибудь кассиром из профсоюза посоветоваться? Они насчет растрат мастера!

* * *

В это время дверь, перед которой сидели два гражданина, раскрылась, и начальнический бас прогудел:

— Стипендиаты Кукушкин и Егоров, войдите! Вот что я должен сообщить вам, рабфаковцы Кукушкин и Егоров! По независящим от нашего учреждения причинам, стипендия вам отменяется, на каковое отсутствие сумм вам и предлагается отныне кормиться, одеваться, обуваться, освещаться, учиться, отопляться, иметь квартиру и удовлетворять свои культурные и прочие потребности!..

Егоров и Кукушкин взглянули друг на друга и перемигнулись:

— Что, брат, выкусил? „На каковое отсутствие сумм!..“ Это, брат, много потрудней, чем жить на миллион в сутки! С кем бы тут посоветоваться?

Ал. Григорович

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

РОСТОВ-на-ДОНУ. 15. Из Азовского моря, через Пересыпское гирло сплошной массой идет рыба (судак). Рыба ловится в таком изобилии, что рыбаки прекратили улов из-за невозможности реализовать его. Вблизи берегов рыбу можно совершенно свободно доставать руками.

Рис. Б. Антоновского

— Куда на берег целишься?! Прыгай обратно в воду, стерва! Покою от вас нету!..

ПУГАЛО

Деньги сосчитали: оказалось 120 рублей 40 копеек.

— Придется вам, Онуфрий Иваныч — сказал председатель, поглядев на часы — до завтра домой деньги взять.

Казначей встал и низко поклонился.

— Спасибочко вам, Захар Захарыч, очень обрадовали. Только я не собираюсь за растрату сидеть.

— Бросьте вы!..—махнул рукой председатель,—вы честнейший человек.

— Это я-то честнейший? — обиделся казначей,—да такого жулика поискать надо, по мне давно исправдом плачет.

— Послушайте, Онуфрий Иваныч, — возмутился член правления, — как вам не стыдно?

— И ничуть не стыдно, какой стыд у арестанта... Удивляюсь, как еще на свободе я гуляю.

— Не ломайте дурака, — рассердился председатель,—берите деньги. Вы, скорее, своих приложите, чем чужие возьмете.

— А я вам говорю, что я прямо бандит! Я, может, людей убивал.

— Ну, убивали, и чорт с вами, а мы-бы вам сто миллионов доверили.

— Сто миллионов!.. Эх, как вы меня не знаете, — покачал головой казначей, — да я на все способен.

— Слушайте, Онуфрий Иваныч,—строго сказал председатель, — я вам приказываю взять деньги.

Казначей опустился на стул и вытер со лба пот.

— Не возьму. Арестуйте меня, лучше я за неподчинение посижу, но подсовывать мне растрату нечестно. По дороге у меня одних пивных—штук десять.

— Да вы не бойтесь пивных, — успокоил член правления, — мы вас проводим до самого дома, отгонять будем от пивных.

— Нет уж. Пусть лучше Захар Захарыч возьмет, он у нас голова.

Председатель испуганно взглянул на деньги и торопливо заложил руки назад.

— Я не могу. Я рядом с клубом живу. Вот вы возьмите,—кивнул он головой на члена правления.

— Нет, нет,—замахал руками член правления,—что вы! У меня жена такая бестия, сейчас-же туфлей, чулок накупит, занавесей.

Все трое замолчали. Деньги лежали на столе.

— Тогда вот что сделаем,—сказал председатель, — разделим деньги на три части, каждый возьмет по 40 рублей 13 с одной третью копеек.

— 13 с одной третью копеек я возьму,— согласился казначей, — а 40 рублей ни за что. Для ровного счета даже 14 копеек могу взять.

Деньги лежали на столе. Член правления почесал бровь.

— Давайте оставим их здесь.

— А вдруг украдут?

— А мы спрячем так, чтоб никто не нашел. Давайте искать место, куда спрятать.

Все трое разбрелись по комнате, обшаривая глазами углы и подыскивая укромное местечко.

— Вот, — сказал председатель, просовывая голову за шкаф,—хорошее место.

Шкаф отодвинули. Деньги завернули в бумажку и сунули в щель между карнизом и стенкой.

Ночью их съели крысы. Осталось 40 копеек серебром.

К. Мазовский

НА КУРОРТ

Медпункт, амбулатория,
В отборочной черед.
Увижу скоро море я.
Прости-прощай, завод!

* * *

Страхкасса выдаст рублики,
Путевку на проезд.
Для пролетарской публики,
На юге хватит мест.

* * *

Теперь рука рабочая
С крестьянскою сплелась...
Страною всей ворочает
Мозолистая власть.

* * *

Прошли года мятежные,
Мы крепнем и растем.
Поют станки железные
О веке золотом.

* * *

Бегут на юг гремучие
С больными поезда,
Да здравствует могучая
Республика труда!

Н. Тихомиров

ФИЗНЕКУЛЬТУРНОСТЬ

„В Одессе в увлечении физкультурой известны случаи, когда футболизм учитывается, как особого рода заслуга и служит основанием для специального выделения иного рекордсмена на таком поприще, которое ничего общего с футболом не имеет".

(Из газет).

Рис. В. Лебедева

— Нет, молодой человек, для канцелярской работы вы слишком неразвиты. Вы будете грузчиком. А вот он... О! эти стальные мускулы как будто созданы для ручки с пером: любое дело он положит на обе лопатки!

СОВЕТЫ МОЛОДЫМ КРИТИКАМ
или
КАК КРИТИКОВАТЬ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

(Составлено по статьям А. Маевича „Красная Звезда" № 50, „Журналист" № 4.)

I
ОБЩИЕ УКАЗАНИЯ

Не так страшен чорт, как его малюют. Не боги обжигают горшки. Лиха беда—начало. Каждый сам себе Маевич.

Этих четырех мудрых истин вполне достаточно, чтобы читатель смело решился проникнуть в тайну работы критика юмористических журналов.

Для начала необходимы: 1) перо и чернила (можно обойтись карандашом) и 2) лист бумаги.

Если имеете то и другое, считайте, что пол-дела сделано.

II
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Само собой разумеется, не лишне иметь под рукой комплект последних №№ журнала, намеченного для разнесения в пух и прах.

Но опыт А. Маевича показал, что вполне успешно можно оперировать одним-двумя номерами и что, например, эти номера могут быть январьскими, в то время, как статью пишешь в конце декабря текущего или будущего года.

Если номера окажутся из другого журнала—не смущайтесь, ибо, если вдуматься, — все журналы на один манер: они печатаются на бумаге и продаются у газетчиков.

III
ЗАГЛАВИЕ

Прежде всего, следует придумать заглавие статьи. Оно должно быть коротко, звучно и интересно.

Заглавие напрашивается само собой:

ЮМОР И САТИРА

IV
ВСТУПЛЕНИЕ

Когда заглавие готово, каждый вправе спросить себя: что же писать дальше?

Но и здесь на помощь приходит опыт А. Маевича.

Обе свои статьи он начинает почти одинаково:

Самый заброшенный участок на фронте „шестой державы"—сатира и юмор. („Красная Звезда", № 50 от 1 марта 25 г.)

Переставив слова, он пишет в „Журналисте".

Юмор и сатира—самый заброшенный участок нашей литературы.

Таким простым способом перестановки можно достичь изумительного разнообразия вступлений.

Задача: Написать 10 перестановок слов указанной фразы.

V
КРИТИЧЕСКИЙ РАЗБОР

Набив руку на писании вступлений, смело приступай к критике.

Каждый журнал содержит в себе рисунки с подписями, текст (стихи, фельетоны, рассказы) и мелочи (мелкие анекдоты)

Опыт А. Маевича показывает, что полезнее начинать с рисунков.

а) РИСУНКИ НА СБЕ ЛОПАТКИ!

Чтобы критиковать рисунок, не мешает выяснить прежде всего: что такое—рисунок? Рисунком называется (по авторитетному определению А. Маевича) то, что *заполняет страницу*.

Итак, вы перелистываете номер, пока не найдете *заполнения страницы*.

Возьмем конкретный пример: пусть это будет рисунок А. Радакова на последней странице 5-го номера „Смехача" за текущий год.

Рисунок озаглавлен: „Временная Задержка". В перепечатанной сбоку газетной вырезке читаем следующее:

Воюющие в окрестностях Шанхая армии прекратили военные действия на одну неделю, в связи празднованием китайского нового года.

На рисунке изображен приговоренный к казни закованный китаец, которому другой, сидящий в праздничной компании, говорит:

— Потерпи, Чи-фу, еще немного: через три дня кончится святой праздник, и тогда мы тебя казним.

Читателю понятна мысль, выраженная в рисунке.

Разве не достойно осмеяния, что люди прекратили на время избиение друг-друга,—ради святого праздника?

Но критик не обязан понимать и даже наоборот обязан *не* понимать.

Критик должен написать по поводу этого рисунка следующее (буквальные исчерпывающие слова А. Маевича):

А вот т. Радакову *понравилось* перемирие в Китае. По случаю нового года, он тоже *заполнил страницу*.

Неправда-ли, блестяще?!

Задача: Подвергнуть такой критике 10 рисунков из какого угодно журнала.

б) ТЕКСТУ—НУЛЬ ВНИМАНИЯ

Кроме *заполнения страниц* рисунками, в каждом журнале есть *заполнения текстом*.

Основываясь на опыте А. Маевича, критик смело может чихнуть на текст с высоты высокого лба (дерева то-ж).

Задача: Обойти молчанием текст любого журнала.

в) МЕЛОЧИ ПОД САПОГ!

О мелочах можно, для разнообразия, сказать пару слов.

Примерно, так (по А. Маевичу):

О заплесневелых каламбурах и ане дотах „Смехача" говорить не приходится.

Коротко, ясно и убедительно.

VI
ШАХ И МАТ КОРОЛЮ

После того как, с помощью смеси из невежества и предвзятости, статья доведена до конца, ее следует внимательно пересмотреть и дополнить трюками, которые содействовали бы сгущению неприятного впечатления и окончательно загнали-бы журнал в тупик.

В этом случае, очень уместно вставить небольшой, но основанный на факте, рассказец.

Заимствуем блестящий образчик у А. Маевича:

В редакцию „Военного Крокодила" один сатирик принес фельетон, в котором командир в разговоре с красноармейцем употреблял такие фразы:

— Молчать, сволочь, с кем разговариваешь...

— Тов. командир...—пытается ответить красноармеец.

— Какой я тебе товарищ, молчать, дрянь...

Мы (т. е. я, Маевич, редактор „Воен. Крокодила". *Пр. составителя*) этому сатирику сказали, что в Красной армии командиры так не разговаривают, и что он видно перепутал Красную армию с царской ...

Наш фельетонист нисколько не смутился.

— Ничего, я переделаю это в разговор директора с рабочим и снесу в „Перец" или „Смехач —великолепно пойдет.

Вот какой скверный журнал! Свалочное место, куда несут всякую дрянь!—подумает читатель, прочитав подобный рассказец.

А критику только того и нужно.

Задача: Сочинить десять таких же правдоподобных фактов по поводу других редакций и другого фельетониста, который снесет в „Воен. Крокодил".

VII
ПОСЛЕДНИЕ НАПУТСТВИЯ

Итак, вы, уважаемый читатель, теперь во всеоружии приемов и методов критики.

Смело за работу!

Но... одно маленькое предупреждение: не упоминайте о том журнале, в котором вы пишете сами.

Опыт А. Маевича показывает, что это допустимо только в минимальной дозе, лишь настолько, чтобы читатель мог догадаться, что все журналы плохи, а ваш хорош.

Если же на первую вашу статью последует подробный и неприятный ответ, делайте вид, что вы его не читали и продолжайте писать то же самое.

И в этом случае показателен опыт А. Маевича. „Не заметив" в № 8-м „Смехача" за март месяц ответа на свою статью „Сатира и Армия" („Красн. Звезда"), он преспокойно печатает в апреле тождественную статью в „Журналисте".

Критик должен уметь:

1) не понимать,
2) не видеть и
3) не замечать.

Азиат

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Рис. А. Юнгера

— Что ж ты, редактор, о спецодежде не написал?
— Обожди, дай стены вывести, тогда и стен-газету расширим.

Издатель: „ГУДОК"

Ответственный редактор А. С. Андрейчик

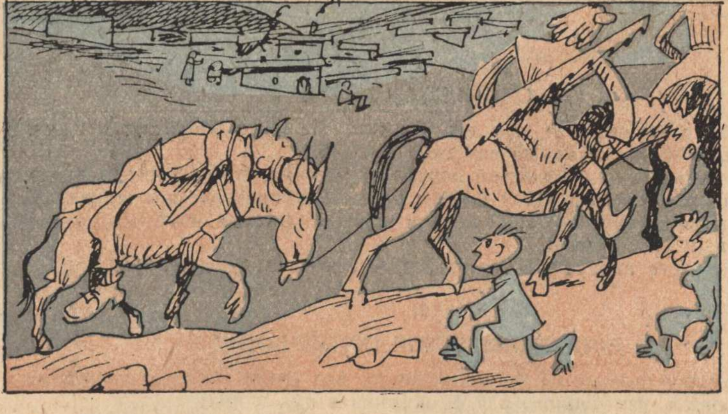
Ленинградский Гублит. № 1..44?. Типография "Инвалид Печатник" Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж 60.000

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН—КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

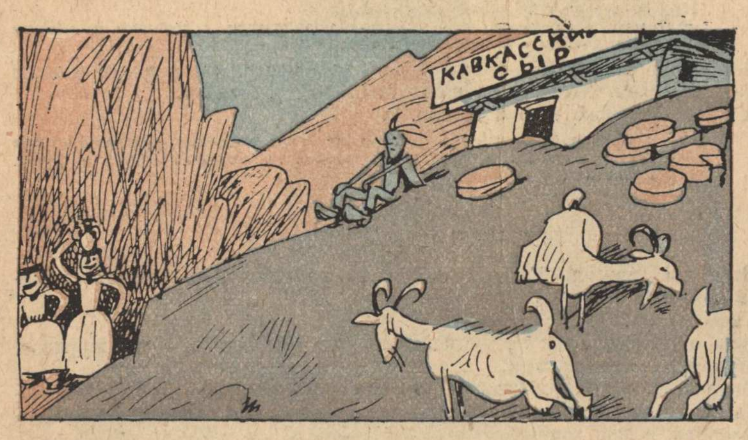
Текст д'Актиля (Дальнейшие отпускные приключения) *Рис. Б. Антоновского*

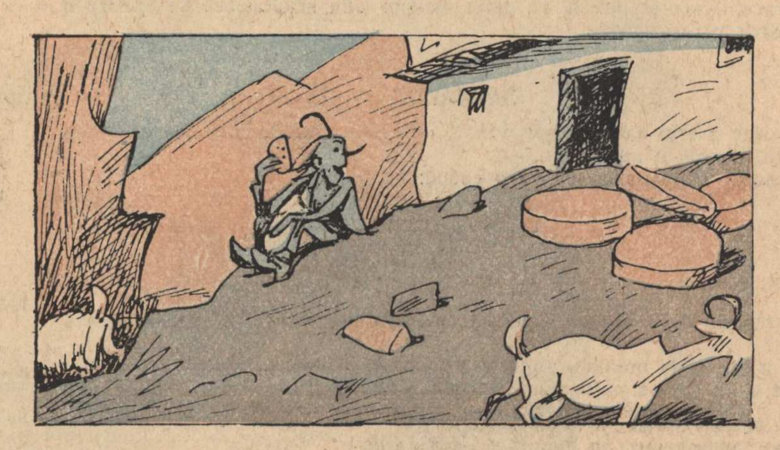
С раздумьем гордым на челе
Евлампий пишет на скале.
Вдруг крики, выстрелы—и он
Ватагой горцев взят в полон.

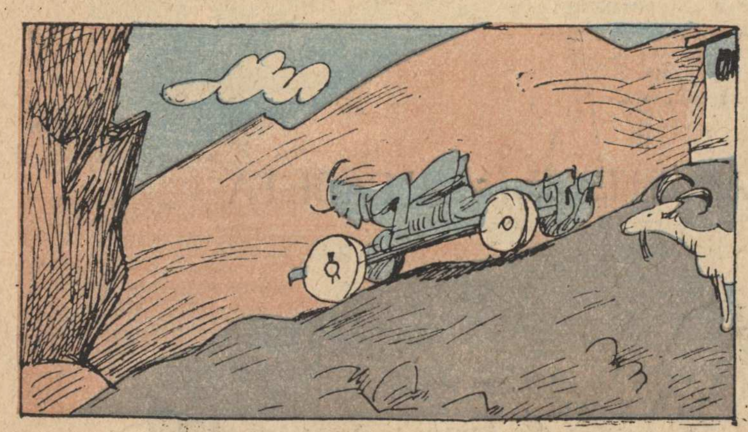
С морщиной горькой на челе
Лежит Евлампий на осле:
Привезен в горный он аул...
Здесь кручи—лучший караул.

Вот—под черкешенок „хи-хи"—
Определен он в пастухи.
Стеречь обязан до поры
„Русско-швейцарские" сыры.

Проходят дни. Евлампий вдруг
Взор устремил на сырный круг
И—подивитесь, что за прыть!—
Спешит свой план осуществить.

Пускай впадут злодеи в раж!
Построен сырный экипаж.
Себя к колесам привязав,
Он вниз бросается стремглав,

Аул остался позади.
От ветра—сперло дух в груди.
О, смелый жест! О, дерзкий план!
Лавина... Буря... Ураган...

Да-с, из затеи вышел прок!
Влетел он вихрем в городок,
И населенье в честь него
Спешит устроить торжество.

Какой подъем! Какой момент!
В мечтах—грядущий монумент.
И весть несет о нем молва:
„Кавказский Пленник Номер Два"